1998 N1 (31)

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

РАЗГОВОРЫ В ОТСУТСТВИЕ ТЕМЫ

Подзаголовок нынешней беседы должен был бы звучать как *<провокация на иллокутивное самоубийство>* - если вообще что-нибудь могло еще звучать. Культурная ситуация: люди собрались за красивым и вполне даже не скудным столом, а беседа отчего-то не клеится. Ну, из этого положения существует несколько общепринятых выходов. Можно, скажем, поговорить о погоде. *<Давно не помню такой зимы - чтобы два месяца держалось 238 по Кельвину>. <Не говорите. Временами у нас в провинции скорость ветра достигала 0,87 морского узла>.* Можно шумно обрадоваться появлению раскрасневшегося с морозца А. *<А, привет, А! Сколько лет, сколько зим, как поживаешь?>*. Последнее, впрочем, ненадолго. А сейчас выпьет водки и начнет жаловаться на начальство, западающий на клавиатуре твердый знакъ и идиотский драйвер принтера. Возможен также разговор о политике, после первых пяти минут которого хочется превратиться в воспетую поэтом игрушку *<слоник мелодичный>*.

Можно еще говорить, к примеру, друг о друге и принципиально в рот ничего не брать кроме Делеза и Бодрийара. Для разборчивых предлагается Лакан и альбом Лизы Джерард 95-го года.

Оспинки еще вроде светятся себе незримо на предплечьях, но плотная ткань, рубашек от Calvin Clein плохо пропускает свет. Обаяние героического идеала, к тому же, изрядно подпорчено господами Лимоновым и Летовым сотоварищи.

Особо удачливые пишут целые романы на какую-либо определенную тему. В таких романах преобладают глаголы свободного времени и существительные второго спряжения.

Для серьезных людей вроде нас все это, ясное дело, никуда не годится. Расписаться в собственном бессилии, несомненно, существенно честнее. Поговорим о теме: во-первых, это безопасно. Любой другой разговор по накатанной дорожке незамедлительно приведет нас известно куда. Этот разговор никуда не приведет. Самоотрицание - надежно, выгодно, удобно. Поговорим о теме, т.е. о том, как бы нам половчее кинуть Логос, провести божество языка, на шермачка проскользнуть туда, где слова ясны и серьезны, а смыслы прозрачны как джин-тоник. Р-раз - и мы уже здесь. Ах, вы не уследили? Так надо было ставить Clifford.

Но с другой стороны, хитрить и выбирать способ поостроумнее вывернуться наизнанку как-то не совсем прилично. К тому же, вдруг хранение ключей от художественно-стратегического рая поручено какой- нибудь народной совести с традиционными ценностями наперевес - почем нам знать? Последним, кто вошел в Царство Небесное с черного хода был, кажется, император Траян.

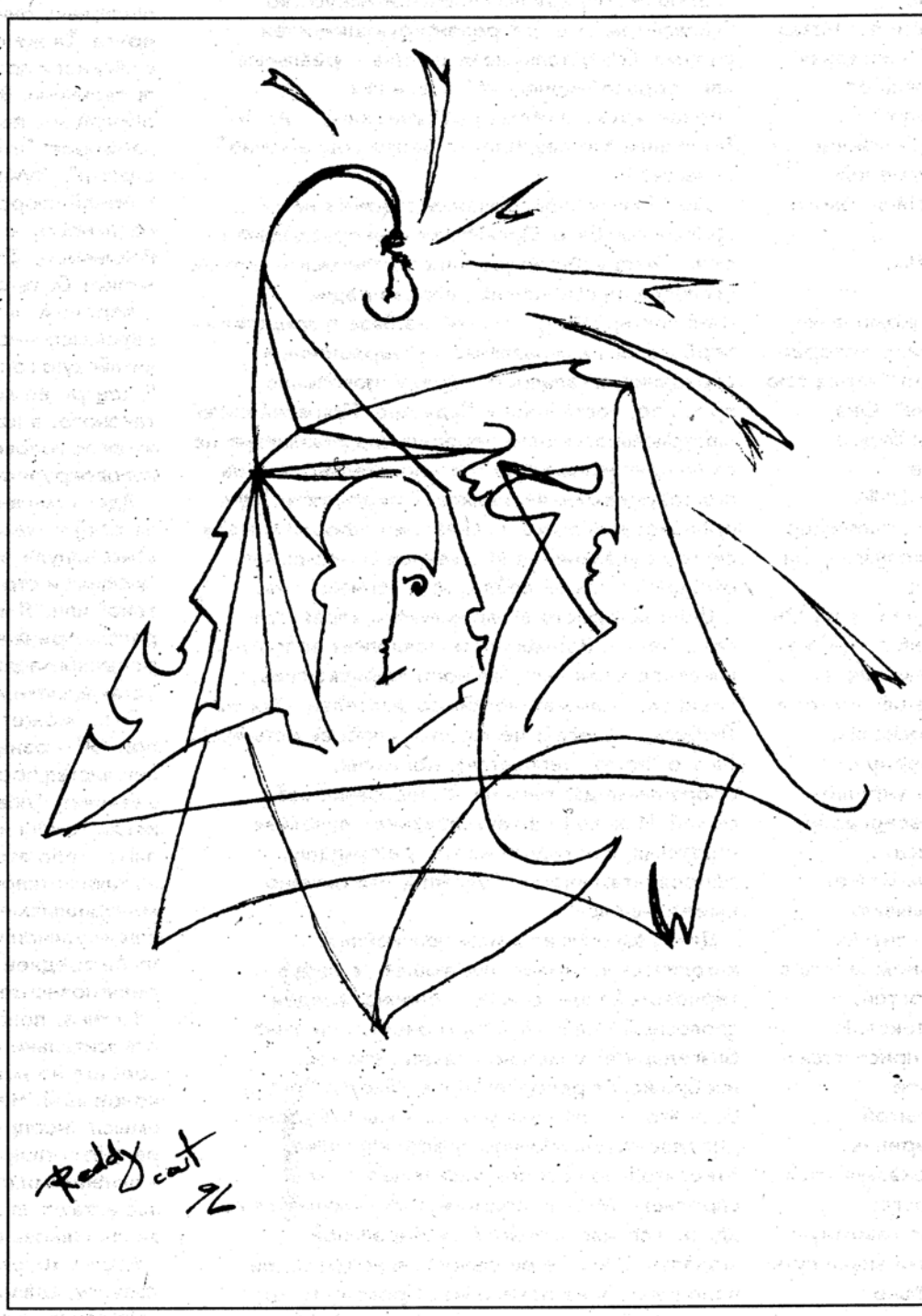
Между тем, черные ходы существуют для крайних случаев. Совершенно не очевидно, что наш - из таких. Мы же не маргиналы какие-нибудь, а будущее русской литературы. Поэтому поговорим еще раз о погоде, порадуемся вслух встрече с кем-нибудь, кого уже не чаяли увидеть; на худой конец хотя бы заготовим речь для оправдания на Страшном Суде, начинающуюся со слов *<Видите ли, уважаемый Бог...>* Весна. Снег стаял: наипаче на открытых пространствах. Все слова русского языка счастливы одинаково. Болтовня спасет мир.

сент. 96

ПРОБЛЕМА ТЕРРИТОРИЙ

1.

<На горе сей возлежит вечно бодрствующий дракон, зовущийся Пантофталмос, ибо он исполнен очей с обоих боков, спереди и сзади, и когда спит, то иные из очей смежаются, а другие остаются отверсты>. Вот - идеальный страж, вечно наполовину бодрствующий. Его территория - всюду, куда способно распространиться его зрение.



2.

Город, в котором мы живем, имеет две территории. Дневная и ночная, верхняя и нижняя. Каждый день мы спускаемся под землю, чтобы путешествовать по изломанной мандале схемы метрополитена: утром - от окраин к центру, вечером - от центра к окраинам. Вечный маятник дня и ночи, сутки, проходящие путь от внутреннего к внешнему и обратно. Уроборос внутреннего кольца; радиальные линии - хтоническая роза ветров.

3.

Разделительная полоса, нейтральная территория транспортной энантиодромии, улицы с односторонним движением, пришедшие с востока колесницы с правым рулем. Слепящий свет встречных фар, другая вселенная летящая на нас со скоростью сто шестьдесят километров в час.

4.

Территория как динамический паттерн, свойства которого определяются жизнью населяющих ее зверьков, их воспоминаниями, как бы любовью, историей, тканью их путешествий. Все это, ареал естественного отбора, экология времени, далекие запрошлые вещи на боковой границе зрения, как-то: каштан, найденный в парке университетского городка, утро такого-то января 89-го года, внезапно колкое острие значка и позавчерашний день неизвестно какого лета.

5.

Территория - аскеза, граница эротики пространства. Флаг, которому она *<территория>* принадлежит, на самом деле отмечает конечную точку любых попыток возвращения, удавшихся ли, провалившихся. Улисс затерялся бы в хаосе островков и внутренних морей - если бы не таинственное, сшитое женой мягкое знамя, испещренное фигурками часто встречающихся в данной местности зверьков, бабочек, украшенное изображениями неприметных образцов местной флоры. Те же незамысловатые рисунки, tatoo, что покрывали его внутреннюю кожу, в качестве lesse passe предъявленную пограничному контролю.

6.

Отечество,как известно, нельзя унести на подошвах своих башмаков. Дантону, между тем, грозила смерть: потому он и оказался прав. Смерть - сама себе Родина. Отечество находится здесь, родина - там. Однажды разделившись, эти двое поставили нас в положение детей живущих с отцом, часто вспоминающих и тоскующих о матери. Эмиграция как попытка компромиссной, невзаправдашней смерти, где нет Отечества и Родины, Матери и Отца, но всегда лишь их безобидные географические проекции.

7.

Территория, как голограмма истории, обеспечивающая достоверный параллакс, но живущая своей собственной жизнью, гораздо более медленной. Синхронность изменений обеспечивается, впрочем, тем, что происходит внутри: краски, звуки, запахи с возрастом тускнеют. Территория, где мы провели детство, тоже как будто бы стареет, проявляя сострадание, не желая оставлять меня один на один с горечью поражения. Рыбу в реке уже нельзя ловить руками, как прежде, когда я был мальчишкой. Полное лукошко белых грибов уже не собрать прямо за забором - только выйти за калитку. Но для моей дочери все начинается снова.

8.

Не так ли мы, попадая на территорию незнакомого городка, напоминающего чем-то Александров или, скажем, Волоколамск, вдруг обнаруживаем поразительную способность ориентироваться? Все как всегда - Море, Пляж, Вокзал. Фрактальные элементы человеческого мира - внутренняя душа, сознание, общение-восприятие, - повторенные в структуре населяемых нами мест. Карта Пири Рейсса, прообраз всех карт, врожденное знание Географии.

9.

Идеальный страж находится внутри нас самих. Темный, неповоротливый зверь со сверкающей шерстью. Зверь, обитающий во всех комнатах сразу; границы проведены по его мерцающей шкуре - дух, который дышит, где хочет; дух,состоящий из бесконечного зрения глаз. Однажды он проснется, встанет и, стряхнув с себя остатки сна, потрусит по снегу - все дальше, все уменьшаясь, превращаясь в математическую точку пространства, центр мишени, дрожащий в оптическом прицеле теодолита.